Зерк. и сонч. - 1991 - 1 мая (№ 17) - с. 16

ВОТ ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО «НАШИ»!

ЗНАЕТЕ ли вы, что во второй половине апреля в Москве состоялся праздник?

Три дня подряд под высоченной крышей Дворца спорта танцевали и радовались...

Ледовый театр «Все звезды» под руководством заслуженного тренера СССР Татьяны Тарасовой показывал свою новую работу.

Обычно, собираясь на подобные зрелища, одеваешься потеплее — от ледяной арены тянет холодком, заставляя кутаться в шарф и поплотнее запахивать куртку. Но на этот раз происходило нечто совершенно противоположное — публика, принесшая с собой угрюмость и зябкость наших невеселых дней, стала от номера к номеру оттаивать, и постепенно огненные вихри ледовой феерии довели зрительскую «температуру» до такого накала, что под конец весь гигантский шатер кипел и дрожал от оваций.

Программа называется «Русские на Бродвее». И она действительно русская. НАША.

Начиная с половецких плясок, виртуозно исполняемых в ураганном ритме (когда на память приходит А. Блок: «Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, — с раскосыми и жадными очами»), в ночная утонченными фантазиями на темы популярных бродвейских мюзиклов, несмотря на многоцветье костюмов (цилиндры, фраки, карнавальные маски, папахи, шутовские колпаки), несмотря на все это, вы все время чувствуете: перед вами разворачивается один большой танец, в котором с подлинным артистизмом выражено богатство русского характера — душевная щедрость, открытость, удивительное сочетание молодецкой удали и тончайшего лиризма.

На концертах было много детей.

Словно ставя последнюю яркую точку, венчающую каждый (каждый!) номер программы, малыши смело перелезали за световую ограду арены к артистам с букетами цветов.

И подумалось: если ребятам запомнится на всю жизнь что-то из этой эпохи, которая называется Перестройка, то уверен — не серые, плохо прибранные улицы, не тревожные разговоры взрослых о ценах и забастовках, а останется в памяти, как один из праздников детства, Ледовый театр, разноцветные огни, музыка и сияющее, исчерканное серебряными коньками ледяное зеркало.

Спасибо за это вам, Татьяна Анатольевна, и вашим танцующим волшебникам!

Рассказывают, что когда труппа была на гастролях в Англии, за кулисы однажды пришел седовласый житель Бирмингема.

— Я ничего не понимаю,— сказал он, — что-то неладное творится с нашей прессой. Газеты пишут, что Россия во мгле, что страна на грани катастрофы. Но это же неправда! Разве можно в это поверить, если там способны на такое? Я уверен — Россия в порядке, поверьте старому человеку, который видел на своем веку многое. Все плохое проходит — искусство остается!

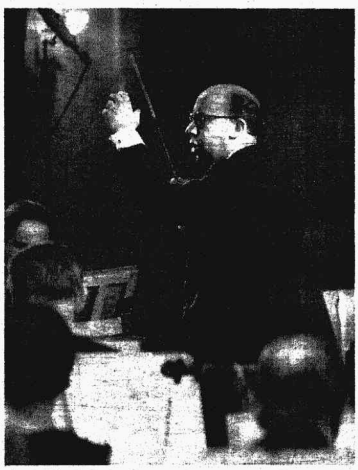
Мне только остается присоединиться к этим словам.

Анатолий КОЗАК.
Фото Николая Самойлова.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

ЮБИЛЕЙ

МАЭСТРО, ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ ЕЩЕ!



4 мая в Большом зале Московской консерватории отмечается юбилей Геннадия Рождественского.

(Из афиш к 60-летию).

малейшая сутулость в глаза бросается... А дикция!! Такая скороговорка, что не разберешь ни черта!!»

В. А.: Ну неправда. После «Сказки Мельпомены» мы тебя только заявили.

Ю. М.: Так в тот день в лесу скончался серый волк, наверное. Да и то вы больше говорили про Чехова, про то, какие партнеры прекрасные. Но я не обижаюсь — уже с младых ногтей, что называется, привыкла к тому, как родители друг друга беспощадно разбирают после каждого появления на сцене или на экране — этот эпизод не получился, эту реплику вот так надо было сказать, эту мизансцену вообще надо отменить.

В. А.: Это верно. Когда «Москву...» снимали, Володя от всех актеров был в восторге, одна я у него в Запушках ходила. Не та прическа, не тот костюм, не так сказала, не так посмотрела... Мне уж съемочная группа потихоньку соболезнования приносила, советовали не обращать на него внимания. А что касается фамилии, то я больше опасаюсь за то, чтобы она не помешала Юле, особенно в кино.

— То есть!

В. А.: Володя смолоду принципиально отверг дипломатию и предпочитал во всех случаях жизни говорить то, что думает. А это редкое и, на мой взгляд, ценное качество, увы, не прибавляет друзей. Во-вторых, мир кино давно разбит на различные группки, кланы, сферы влияния. Володя ни к одной из таких групп не принадлежит, он находит достоинства и недостатки и у «правых», и у «левых», а в нашей среде подобный нейтралитет вызывает недоумение. Ну и, наконец, он человек удачливый: за первую картину получил Государственную премию РСФСР, за вторую — Госпремию СССР и «Оскара». Кинематографисты в основном «Москву...» не приняли совсем. Посчитали ее «дурным тоном». За искусство у нас как-то всегда было принято почитать «трудное кино», и вдруг является Меньшов с какой-то заурядной мелодрамой, и весь мир ее смотрит, а Американская киноакадемия присуждает «Оскара» за лучший иностранный фильм года. Согласитесь, все это вместе взятое не прибавляет дружелюбных чувств по отношению к Меньшову. И по отношению к его близким тоже, к сожалению. Поэтому мне и хочется, чтобы Юлия как можно быстрее набрала высоту для самостоятельного полета. Примеры такого рода нечасты, но случаются — Никита Михалков, Андрей Миронов, Алиса Фрейндлих.

— Владимир Валентинович, а чем вы недовольны в кинематографической среде? Что против?

В. М.: Откровенно говоря, я давно уже живу в состоянии какого-то раздвоения. Жить без этой среды я не могу, это мой мир, бесконечно мне интересный, очень любимый. Но иногда накатывает вдруг волна такой неприязни! Последние годы перестройки показали такую глубокую нашу несостоятельность, это я уже не о кинематографистах говорю, а обо всей нашей интеллигенции. Читаешь, как Чехов называет ее «лицемерной, фальшивой, истеричной, невоспитанной, ленивой» и думаешь: ничего не изменилось! А когда он добавляет, что на фоне интеллигенции даже тогда, когда она встряхивается, виден мрак, грязь, то становится просто страшно. Вообще это хорошая идея. На юбилей приехать домой, собрать друзей, они, надо полагать, тоже приедут ради такого случая. Мол, проведем вместе вечер, скажем друг другу теплые слова и разъедемся вновь.

Кто сказал, что я кривлюсь? Разве не так и должно быть? А-а, вы имеете в виду, что еще пока не все едут, когда и куда хотят? На это ответ был найден давно — малоизвестным композитором, но знаменитым органистом! Его фамилия Бах. Когда Иоганна Себастьяна с тех пор молчок до сегодняшнего дня. Странно».

Геннадий Николаевич мог бы рассказать многое. Книга его «преамбул» только разжигает аппетит. Правда, я больше интересуюсь его книгой о дирижерской аппликатуре. Видите ли, Рождественский не только талантлив, он еще и великий мастер: любому оркестру он может сделать доступной самую сложную музыку с помощью жеста рук (это и есть аппликатура), было бы ответное желание. Секреты его мастерства видны на концерте, а не сокрыты в недрах репетиционного

«Болеро» Равеля. Очень трудная программа, а? Правда, в «Болеро» есть саксофон. На первую репетицию он не явился и на второй его нет. Я спрашиваю, где же он, у него ведь соло. «А он занят все время в ресторане. Он мог не знать, но он — во! Мотив знает, мы слышали...»

Непередаваемое общее чудовищное состояние оркестра Maggio musicale Fiorentino. Предполагалась целая неделя для репетиций. Но я кончил ее на второй день. Бесполезно. Я прикинул и решил, ну зачем